

Научная статья

УДК 930.85

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11011

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАЗАХОВ: ОТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ К ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Денис Анатольевич Качеев

Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Республика Казахстан,
kacheev@mail.ru, ORCID 0000-0003-4847-4611

Аннотация. В статье рассматриваются различные методологические подходы к изучению общественного сознания казахов. Марксистско-ленинский подход, основанный на формационной теории и теории отражения, представляется недостаточным для анализа общественного сознания казахов, которое, условно, можно отнести к степному типу общественного сознания как феномену номадической / кочевой культуры. Цивилизационный подход также представляется недостаточным для изучения общественного сознания кочевых обществ степной полосы Евразии, в силу наличия множества теорий, основанных, преимущественно, на европоцентристском взгляде на историко-культурный процесс. Автором предлагается логико-смысловой подход, в основе которого лежат следующие методологические установки: признание общественного бытия базисом для общественного сознания и отход от европоцентризма как универсальной модели. Важное значение в логико-смысловом методологическом подходе также имеют мировоззренческие и ценностные установки, являющиеся основанием для культурных практик, семиотической сферы и понятийного аппарата, характерные для общественного сознания казахов.

Ключевые слова: общественное сознание, казахи, марксистско-ленинский, цивилизационный, компаративистский, логико-смысловой

Для цитирования: Качеев Д. А. Изучение общественного сознания казахов: от марксистско-ленинской и цивилизационной к логико-смысловой методологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10 (468). Философские науки. Вып. 66. С. 82—90. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11011.

Original article

THE STUDY OF THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE KAZAKHS: FROM THE MARXIST-LENINIST AND CIVILIZATIONAL TO THE LOGICAL AND SEMANTIC METHODOLOGY

Denis A. Kacheev

Kostanai Branch of Chelyabinsk State University, Kostanai, Republic of Kazakhstan,
kacheev@mail.ru, ORCID 0000-0003-4847-4611

Abstract. The article discusses various methodological approaches to the study of the public consciousness of the Kazakhs. The Marxist-Leninist approach, based on the formational theory and the theory of reflection, seems insufficient for the analysis of the public consciousness of the Kazakhs, which, conditionally, can be attributed to the steppe type of public consciousness as a phenomenon of nomadic culture. The civilizational approach also seems to be insufficient for studying the public consciousness of the nomadic societies of the steppe zone of Eurasia, due to the presence of many theories based mainly on the Eurocentric view of the historical and cultural process. The author proposes a logical and semantic approach, which is based on the following methodological guidelines: the recognition of social being as the basis for public consciousness and the departure from Eurocentrism as a universal model. Of great importance in the logical-semantic methodological approach are also worldview and value attitudes, which are the basis for cultural practices, the semiotic sphere and the conceptual apparatus, characteristic of the public consciousness of the Kazakhs.

Keywords: public consciousness, Kazakhs, Marxist-Leninist, civilizational, comparative, logical and semantic

For citation: Kacheyev DA. The study of the public consciousness of the Kazakhs: from the Marxist-Leninist and civilizational to the logical and semantic methodology. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(10(468):82-90. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11011.

Введение

Методологические подходы к изучению общественного сознания в контексте заявленной нами темы, могут быть разделены на несколько основных блоков.

Логика составления данных блоков имеет двухуровневую структуру. Первый уровень — это дедуктивный принцип методологического исследования общественного сознания и процессов его трансформации. Согласно данному методологическому принципу, мы должны опираться на уже имеющиеся, классические теории изучения общественного сознания, и прежде всего на марксистско-ленинскую теорию, в основе которой лежит формационный подход и принцип отражения, а также цивилизационную теорию, которая представлена множеством разрозненных концепций, в основе которых лежит культурное измерение.

Очевидно, что дедуктивный принцип не в полной мере соответствует возможности объективного анализа общественного сознания казахского народа. Проблема в том, что все вышеперечисленные теории создавались в определенном историческом контексте и преследовали конкретные цели, которые не соответствуют задачам изучения общественного сознания кочевых обществ. Механическая экстраполяция данных теорий на проблему изучения степного типа общественного сознания кочевых обществ Евразии, будет логико-методологической ошибкой, хотя мы и считаем необходимым опираться на некоторые положения марксистско-ленинского подхода.

Второй уровень основан на индуктивном принципе, который ставит новые методологические установки, позволяющие изучать конкретный тип общественного сознания. Согласно индуктивному принципу, методология должна основываться на логико-смысловом анализе ключевых элементов степного типа общественного сознания, а затем интеграции этих элементов в единую систему и изучении механизмов ее трансформации в исторической перспективе.

Поставленные методологические проблемы требуют новых инструментов решения, в частности — конструирования ценностно-нормативного пространства культурных практик степных обществ Евразии, в рамках которых формируется совершенно особый тип общественного сознания. Далее нам необходимо определить механизмы трансформа-

ции степного типа общественного сознания, и так как классические западные теории трансформации не подходят для этого, выработать теоретическую базу для изучения данных механизмов.

Марксистско-ленинская трактовка общественного сознания на сегодняшний день является недостаточной, потому как, если следовать формационному подходу с классовой структурой общества, вполне возможно объяснить развитие западных обществ. Это укладывается в господствующий в философии до сих пор европоцентристский подход, но абсолютно не отвечает современным тенденциям изучения восточных, а также кочевых обществ.

Марксистско-ленинский подход

Марксистско-ленинская трактовка общественного сознания прямо выводила общественное сознание, как ядро духовной жизни общества, из общественного бытия. Подчеркивая это, М. Мамардашвили отмечал, что для К. Маркса «оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразование из переплетения и дифференциации связей систем, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта» [1, с. 16].

Общественное бытие (хозяйственная, экономическая, материальная сферы жизни общества) оказывает прямое и непосредственное влияние на то, как в рамках духовной жизни общества, складывается и развивается общественное сознание, которое оказывает обратное влияние на общественное бытие, модернизацию форм хозяйственной деятельности и динамику экономического развития, внедрение в общественное бытие новых социальных практик, отвечающих требованиям индустриально-инновационного, технологического развития. Развитие общественного бытия в направлении постоянного повышения благосостояния граждан, улучшения качества жизни, формирования современных форм социального устройства, невозможно без сопутствующей трансформации общественного сознания.

Марксистско-ленинский взгляд на общественное сознание, зиждился на трех ключевых положениях:

Первое положение, основанное на классовой теории, как одной из определяющих черт обще-

ственно-экономических формаций, гласило, что в классовом обществе, общественное бытие проявляется через экономическое положение данного класса.

Второе положение заключается в том, что влияние общественного бытия на общественное сознание является определяющим, но опосредованным. Различные формы общественного сознания подвергаются воздействию различных форм общественного бытия.

Третье положение показывает процесс обратного влияния общественного сознания на основные элементы общественного бытия, и на его основу в форме хозяйственно-экономической деятельности.

Согласно формационной теории, определяющая роль общественного бытия в процессе формирования общественного сознания, проходит сквозь призму типа производственных отношений и владения средствами производства. У господствующего класса есть определенная система ценностей, в рамках которой создаются и распределяются духовные блага, что и определяет развитие общественного сознания. С одной стороны, это выглядит исторически обоснованно и логично, но на сегодняшний день, недостаточно и спорно. К примеру, восточные общества кочевнического или степного типа, не имели какой-либо четко выраженной классовой структуры, а у кочевников евразийских степей вообще господствовала степная демократия. Поэтому и механизмы классового основания формирования общественного сознания в данных типах обществ не работают так, как они работали в древнем Египте, древней Греции, Европе.

Необходимо учитывать, что кочевые общества степной полосы Евразии практически не вписываются в формационную теорию. Сложность применения марксистско-ленинской методологии при изучении кочевых обществ, подчеркивается Н. Н. Крадиным: «... для марксистской теории истории кочевые общества представляют столь же логически трудноразрешимую проблему, что и «азиатский способ производства». Социальную структуру кочевников трудно интерпретировать в категориях ортодоксального исторического материализма» [2, с. 16]. С этим солидарен и А. М. Хазанов, указывающий на то, что «кочевое скотоводство, составляющее экономическую основу кочевничества, является не способом производства, а всего лишь особым видом хозяйственной деятельности», и поэтому кочевое скотоводство нельзя ставить в один типологический ряд с «азиатским способом производства», рабовладением, феодализмом или капитализмом» [3, с. 317].

Классовая природа общественного сознания не учитывает многих аспектов сложной стратификационной структуры казахского общества, многообразия социальных связей и отношений. К тому же, принцип доминирования господствующего класса, дает однобокое представление о природе общественного сознания, которая представляет собой сложную систему взглядов, представлений и настроений общества, обусловленных культурно-историческими и политико-экономическими факторами.

Если взять рабовладельческую формацию, выделенную марксизмом как отдельную стадию мирового исторического развития, показывающую зарождение классового общества и начало классового же антагонизма, то у кочевников-номадов данная формация не была представлена и не укоренилась в их общественном сознании. Причинами отсутствия рабства в казахском кочевом обществе были: потребность в рабочей силе удовлетворялась внутренними ресурсами (малоимущие кочевники); кочевое общество не имело условий для надзора за рабами и содержания их в организованных формах; перекочевка, как правило, происходила небольшими аулами, в условиях чего концентрация рабов и потенциальная угроза их восстания была бы помехой сезонной хозяйственно-экономической деятельности. При этом нами не отрицается наличие классов в казахском обществе и элементов эксплуатации, которые, повторим, отличались от классических исторических примеров, как по структуре, так и по восприятию в общественном сознании.

Идеи и взгляды, господствующие в общественном сознании, могут способствовать развитию экономики или ее стагнации и переходу в состояние кризиса. В казахском обществе, в котором господствовали консервативные ценности и нормы традиционной культуры, формы общественного бытия развивались очень медленно а инновационные модели развития экономики либо отрицались вовсе, либо принимались, но находили имманентное сопротивление. Примером этого может являться провал политики коллективизации, которую проводила советская власть в казахском ауле в 20-е гг. XX вв., что стало причиной острого неприятия родового, по своей сути, общественного сознания казахов.

Вопросов к марксистско-ленинской методологии остается достаточно. Одним из них является вопрос о том, как интерпретировать практически неподвижный по своему развитию кочевничества в рамках однолинейной периодизации пяти способов производства, как это предлагает формационная теория? Критически пересматривая отноше-

ние к принципу эволюционизма, Ж. О. Артыкбаев замечает, что «именно эволюционизм позволил марксистам свести все многообразие реальной истории человечества к стадияльной типологии» [4, с. 209].

Цивилизационный подход к общественному сознанию основывается на общих типологических особенностях цивилизаций, сложившихся в ходе социокультурного развития. Тип общественного сознания соответствует в данном случае типу цивилизации, о которой идет речь. Проблема здесь в том, что нет, и, наверное, не может быть единой классификации цивилизационных типов, из-за чего возникает не просто плюрализм, но неуместная множественность, когда, буквально, каждый этнос стремится обосновать и утвердить свой собственный цивилизационный тип, рассматривая хозяйственно-экономическую и культурную специфику. Хотя, в то же время, в науке утвердился термин «кочевая» или «номадическая» цивилизация, который охватывает кочевые культуры разных географических ареалов, классифицируя их по признаку хозяйственно-экономической деятельности.

Несмотря на то что цивилизационный подход стал несомненным шагом вперед в ходе изучения общественных процессов, освободившим научную методологию от принципов партийности и классового антагонизма, он так и не смог предложить общепринятую систему классификации и типологии цивилизаций. Уже известные концепции цивилизационного развития (Н. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера), страдают тем же недостатком, что и марксистско-ленинская теория — все они европоцентричны. Известный исследователь номадизма А. М. Хазанов критикует данную европоцентристскую позицию, отмечая неприемлемость приложения к кочевникам универсальных схем исторического развития [3, с. 70].

Указанные цивилизационные концепции либо вообще игнорируют восточные, и в особенности, кочевые общества, либо отводят им роль неразвитых, выпавших из исторического процесса аутсайдеров, продолжая тем самым взгляды Гегеля и Маркса. В то же время Ж. О. Артыкбаев подчеркивает, что «Кочевая цивилизация — это особый мир, объективно отличающийся от цивилизационной бифуркации Запад-Восток» [4, с. 209].

Чтобы изучить общественное сознание кочевников степной полосы Евразии в рамках цивилизационной теории, необходимо сначала создать отдельно теорию номадической цивилизации, охват которой будет географически обширен и неоднороден. Научная дискуссия о создании подобной теории ведется не один десяток лет.

Как справедливо подчеркивает Г. Шалабаева, до сих пор наблюдаются трудности в терминологии — «М. Козыбаев и А. Касымжанов относят казахскую цивилизацию к степной, С. Акатай — к конно-кочевой, другие — просто к кочевой, древнетюркской, евразийской» [5, с. 14]. Н. Э. Масанов, отстаивая идею особой цивилизации кочевников, предлагал ввести понятие «номадного способа производства», что было подвергнуто конструктивной критике Н. Н. Крадина, который справедливо замечает, что «о номадизме следует говорить как о специфической форме экономической деятельности, характерной для засушливых экономических зон, но не как об особом способе производства» [2, с. 23].

Если мы под цивилизацией будем понимать некое оформление культуры, принявшее законченную форму, то общественное сознание будет выводиться из культуры. Но в основе цивилизации может лежать не только культура, но и какая-либо ключевая характеристика — национальная, религиозная, региональная, социально-экономическая и пр. Следовательно, и говорить об общественном сознании западном, христианском или пост-индустриальном, просто неуместно. Все перечисленные аспекты дополняют понимание общественного сознания, так или иначе входят либо в общественное бытие, либо в духовную жизнь общества.

Компаративистский подход к изучению общественного сознания, должен быть упомянут, с той оговоркой, что годится он только для обществ, в основе которых лежат идентичные географические, хозяйственно-экономические и историко-культурные характеристики. Так, можно применять компаративистский подход при изучении генезиса общественного сознания в Советском Союзе и странах Западной Европы, в 20-30-х гг. XX в., для лучшего понимания противостояния общественных систем коммунистического и фашистского типа. С кем сравнивать кочевников-протоказахов, совершенно неясно. К примеру, бедуины Аравийского полуострова или кочевые племена Африки, тоже относятся к номадам, но разительно отличаются от тюркских кочевых племен по многим показателям, что, соответственно, показывает кардинальные различия в структуре общественного сознания.

Тем не менее, элементы компаративизма могут быть полезны для подчеркивания специфических и уникальных черт общественного сознания кочевых племен степной полосы Евразии. Важность выделения данных особенностей необходима для понимания генезиса общественного сознания в контексте исторического развития, а также

изучения механизмов трансформации общественного сознания казахов в период колониальной зависимости, советский период и период независимости. Понимание архетипов, заложенных в основу общественного сознания периода древности и средневековья, поможет выявить основные черты государственности казахов, утраченные в ходе истории, а также особенности независимого периода истории Казахстана.

Логико-смысловой подход

Очевидно, что для изучения общественного сознания степного типа, его трансформаций в исторической перспективе, включая постсоветский период, мы не можем в полной мере применить ни формационный, ни цивилизационный подходы. Это значит, что нам необходимо конструирование смыслового пространства, в рамках которого мы сможем выработать подходы и инструменты анализа общественного сознания, возникшего в степной полосе Евразии и испытавшего ряд трансформационных изменений.

Первой методологической установкой нашего исследования будет положение о том, что общественное сознание является производным от общественного бытия, которое мы признаем, как базис. В данный базис входят географические, природно-климатические условия, в рамках которых формируется общественное бытие и хозяйственно-экономическая жизнь, как форма существования данного бытия. Логическими следствиями из первой методологической установки будут: то, что общественное сознание не может рассматриваться как нечто самостоятельное по отношению к бытию общества и то, что общественное бытие не может рассматриваться как непосредственный, механически отражаемый источник общественного сознания. Следовательно, общественное сознание, как ядро духовной жизни общества, формируется в рамках определенного смыслового пространства, которое опосредовано отражает общественное бытие.

В рамках данной методологической установки важно признание положения о том, что общественное сознание обладает низкой способностью трансформации, в отличие от общественного бытия, которое может изменяться в краткосрочной перспективе. Вполне уверенно мы можем говорить о неравномерности развития общественно-бытия и общественного сознания, долговременном характере изменений последнего. В то же время, идеи и установки, формирующиеся в общественном сознании долгое время (в исторической перспективе это может занимать столетия), являются катализатором резких кардиналь-

ных преобразований в обществе (революций и войн). И наоборот, кардинальные преобразования общественной системы далеко не сразу находят отражение в общественном сознании, как, к примеру, распад Советского Союза и образование суверенных государств. Культурные практики и ценностные установки, сформированные в казахстанском обществе советского периода, даже спустя три десятилетия преобладают в общественном сознании, и никак не могут быть вытеснены ни влиянием религии, возрождением ценностей традиционной культуры, ни государственной идеологией периода независимости. Это создает конфликтную среду для столкновения идей и взглядов различных частей казахстанского общества на современном этапе.

Второй методологической установкой будет отказ от европоцентристского подхода к изучению общественных процессов, государству и общественному сознанию. Кочевые общества степной полосы Евразии, консолидация которых в XV веке привела к образованию Казахского ханства, обладали общественным сознанием, которое просто обладало иным, нежели европейское, логико-смысловым содержанием. Привычные нам европоцентристские понятия «общества», «государства», отношений власти и подчинения, «демократии», и в целом автономности личности в общественной системе — все это имело совершенно иную коннотацию в степном типе общественного сознания.

Данная методологическая установка не ставит целью противопоставление европоцентризму, но признание того, что европоцентризм не является универсальной, общечеловеческой системой. Хотим отметить, что в философской науке имеется опыт применения логико-смыслового подхода, разработанный академиком А. В. Смирновым, который изучает арабскую культуру не с точки зрения европоцентристской субстанциальной логики, но с точки зрения логики процессуальной. «Опыт арабской доисламской, а затем — арабо-мусульманской культуры оказывается драгоценным источником», — пишет А. В. Смирнов, — «показывающим, как можно разработать полноценную философию на иных основаниях, нежели греческая; <...> как можно говорить на языке, который так же удачно пригнан к этому действенно-ориентированному взгляду на мир, как английский или французский — к субстанциально-ориентированному» [6, с. 16—17].

Все предыдущие попытки объяснить специфику общественного устройства и общественного сознания кочевых обществ, приводили к искажению смыслового содержания. Модель государ-

ственного устройства, к примеру, которая в кочевых обществах была реализована в виде каганата или ханства, не является тождественной «государству» в европейском понимании.

Европоцентризм необходимо рассматривать как иную систему, обращение к которой возможно не в рамках компаративистских методов, но для лучшего понимания своеобразия степного типа общественного сознания.

Также в рамках второй методологической установки необходим кардинальный пересмотр теорий трансформации, модернизации и постмодернизации. Вышеперечисленные теории создавались в рамках европоцентристского подхода, поэтому мы считаем их непригодными для анализа трансформационных процессов применимо к общественному сознанию в исторической перспективе. Трансформацией общественного сознания мы будем считать изменения, происходящие в смысловом пространстве в рамках исторического процесса. Важно при этом правильное определение механизмов трансформации — к примеру, каким образом изменялись культурные практики, приводящие к изменениям в общественном сознании.

При этом одни элементы смыслового пространства остаются практически неизменными (мировоззренческие и ценностные установки), а другие подвержены изменениям в большей степени (культурные практики и семиотическая сфера). Наконец, понятийная часть смыслового пространства является самой релевантной по отношению к трансформационным процессам в общественном бытии, так как преобразования социальной организации и государственного устройства неизбежно отражаются в понятийном аппарате.

Конструированное нами смысловое пространство, в рамках которого мы формируем методологические подходы к анализу степного типа общественного сознания, не существует само по себе. Следуя первой методологической установке, признающей базисное основание общественного бытия по отношению к общественному сознанию, смысловое пространство может быть сконструировано исходя из природно-климатических, в целом, географических условий, в рамках которых формируется и существует общественное бытие в своих особенных хозяйственно-экономических формах. Понимание особенностей социальной организации и принципов государственного устройства кочевых обществ степной полосы Евразии, а затем Казахского ханства, существующего в триединой форме жузового устройства, невозможно без учета вышеперечисленных условий общественного бытия. Соответственно, изучение

общественного сознания имеет логико-смысловые связи с природными условиями, приоритетным типом хозяйственной деятельности общества, а также спецификой социальной организации.

Все части смыслового пространства не могут существовать обособленно, они логически взаимосвязаны друг с другом. Мировоззренческие и ценностные установки являются основанием для культурных практик, семиотической сферы и понятийного аппарата, которые существуют в конкретном типе общественного сознания. Понятия обретают смысл, когда мы знаем, в каких мировоззренческих и ценностно-нормативных координатах формируется их содержание. Знаково-символическая система отражает мировоззренческие и ценностные установки, культурные практики, которые, в свою очередь, укоренены в общественном бытии.

Конструирование данного пространства есть логико-смысловой методологический подход к изучению общественного сознания. Мы уже отмечали то, что понятия, сформированные в рамках европоцентризма, не годятся для анализа кочевых обществ и степного типа общественного сознания, потому что несут иной смысл. Нас же интересует не значение понятия, под которое можно искусственно подогнать объект исследования, но смысл понятия, который в каждом случае является особенным, отвечающим условиям и установкам, в рамках которых он был сформирован.

Поэтому наша задача не ограничивается трактовкой понятий, но расширяется до поиска смыслов. Смыслополагание актуализирует проблему изучения общественного сознания кочевых обществ степной полосы Евразии, так как в философском дискурсе до сегодняшнего дня не сформирован соответствующий комплекс методологических подходов и понятийный аппарат. Имеющиеся работы по номадизму лишь частично затрагивали проблему общественного сознания, и то, преимущественно, в историческом контексте и на основе европоцентристского подхода, когда понятия, имеющие значение, но не имеющие конкретного смысла, искусственно притягивались к явлениям общественного бытия и духовной жизни.

Смысловое пространство включает в себя:

— Понятийный аппарат. Очень важно, какой понятийный аппарат мы будем использовать в исследовании и какие смыслы вкладывать в эти понятия. Очевидно, что общепринятый европейский терминологический аппарат не подходит под наше исследование, потому что в степной полосе Евразии понятия «государство», «власть», «демократия», «народ», «закон» и многие другие, несли совершенно иной смысл. Общерапространенное

понимание демократии совершенно не соответствует тому, что называется «степной демократией», точно так же, как и «государство», понятие которого сформировано в оседлой, письменной культуре, не соответствует «каганату» или «ханству». Необходимо следовать логико-смысловым установкам, для того, чтобы каждое понятие соответствовало своему содержанию, облекалось в смысловую оболочку, наиболее соответствующую изучаемому нами типу общественного сознания.

Понятийный аппарат необходимым образом будет включен в рамки философского категориального аппарата, потому как категории пространства, времени, сущности, явления, количества, качества, формы и содержания, являются универсальными. К примеру, нам необходимо понять, какими онтологическими / мировоззренческими установками определялся степной тип общественного сознания, а для этого установить смысловое содержание понятий пространства и времени, которое вытекает из категориального аппарата философии. Логическая взаимосвязь категориального и понятийного аппаратов позволяет наиболее полным образом проводить смыслополагание.

— Культурные практики. Культурные практики — устойчивые нормы и образцы духовной деятельности человека. «Культура», — подчеркивает А. В. Смирнов, — «как способ смыслополагания воспроизводит себя благодаря возникающим и совершенствующимся культурным практикам» [6, с. 17]. Основанные на хозяйственно-экономической деятельности и мировоззренческих установках, культурные практики напрямую влияют на складывание степного типа общественного сознания и специфику его форм. Именно культурные практики реализуют в обществе логико-смысловое содержание духовной жизни. К культурным практикам относятся: традиции, обычаи, культовая обрядность (тенгрианство и ислам), традиции передачи и усвоения знаний (в данном случае, господствовала устная традиция), образцы поведения человека в обществе и способ организации общественных институтов (семья — род — племя — государство).

— Семиотическую сферу. Знаково-символическая система проистекает из общественного бытия и духовной жизни общества и имеет непосредственную связь с общественным сознанием. Особенно актуализируется семиотическая сфера в обществах, не имеющих письменной культуры. В этом случае семиотическая сфера наполняется особым смысловым содержанием, потому как в культуре каждый знак или символ замещают собой письменное наследие. Подобный символиче-

ский текст культуры сложнее интерпретировать или толковать, однако, в рамках логико-смыслового подхода, семиотическая сфера степных кочевых обществ развита в значительной степени и имеет важное значение для изучения общественного сознания.

— Мировоззренческие (онтологические) установки. Сюда относятся: осознание своего места в мире, представления о пространстве и времени, о жизни и ее смысле. В степных кочевых обществах отсутствовала привычная для европейского западного понимания «субъект-объектная» система «человек-мир». Степняк не выделял и не противопоставлял себя миру, а был слит с ним в единое целое. Синкретичность подобной онтологической установки имеет огромное значение для понимания устройства общественного бытия и развития форм общественного сознания. Мировоззренческие установки, господствовавшие в степном типе общественного сознания, не были направлены вовне, не несли в себе активную, преобразовательную функцию в виде идей экспансии, мессианизма, богоизбранничества и т. д.

Заключение

Перспективы дальнейшего изучения общественного сознания казахов в рамках логико-смыслового методологического подхода, очевидны.

Если мы подходим к изучению казахского кочевого общества степной полосы Евразии, то и общественное сознание необходимо трактовать как «степное», а не просто номадическое, потому как, например, общественное сознание номадов-казахов коренным образом отличается от сознания номадов-бедуинов. Поэтому в рамках номадического общественного сознания необходимо выделение «степного» типа. Тогда перед исследователем встает необходимость разработки специальной методологии изучения степного общественного сознания.

В основу данной методологии необходимым образом должны быть положены следующие принципы: общественное бытие (способ хозяйственно-экономической деятельности) определяет возникновение и развитие общественного сознания; составление ценностно-нормативной матрицы степного общественного сознания; определение форм социально-политической организации кочевого степного общества, определяющих уникальность форм государственности, отношений между членами социума в вертикальном и горизонтальном разрезе; исследование исторических предпосылок складывания степного типа общественного сознания; определение механизмов трансформации степного общественного сознания

под влиянием внутренних и внешних факторов. Фактически перед нами стоит задача создания методологии исследования особого, степного типа общественного сознания, имеющего глубокие исторические корни и прошедшего шесть основных этапов развития: прото-казахский (тюркский) — казахский — колониальный — советский — постсоветский.

Также перед нами стоит важная задача — изучить, подвергалось ли степное общественное сознание таким процессам как трансформация и модернизация. Что являлось механизмом каждого указанного процесса и каковы были его главные инструменты? — вот вопросы, которые мы ставим.

Практически неисследованным остается вопрос о трансформации общественного сознания при переходе от советского типа общества к суверенитету. Произошла ли и окончилась эта трансформация или она продолжается до сих пор? Что получило казахстанское общество — прогрессивное развитие или откат к архаичным представлениям? Все эти вопросы важны не только для рефлексии трех десятилетий независимости, но

и для понимания тех процессов духовной жизни, которые на самом деле произошли и происходят в Казахстане. Какие базовые архетипы степного общественного сознания оказывают влияние на развитие современного казахстанского общества? Какие векторы развития общественного сознания устанавливались за эти десятилетия и каковы были механизмы их реализации? Можно ли говорить о возможности модернизации общественного сознания или теория модернизации неприменима к ядру духовной жизни?

«Прежняя философия», — пишет академик А. В. Смирнов, — «принимала основной путь европейского мышления за единственно возможный. Отсюда мифология универсальности европейского мышления и линейного прогресса — и мысли, и общества» [7, с. 101]. Пришло время попытаться объяснить общественное сознание как ядро духовной культуры казахского народа, исходя из самой этой культуры и языка, того смыслового пространства, которое сложилось в культурных практиках, общественных институтах и хозяйственно-экономической деятельности.

Список источников

1. Мамардашвили М. И. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6.
2. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 414 с.
3. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы : Дайк-Пресс, 2000. 603 с.
4. Артыкбаев Ж. О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий: монография. — СПб. : Мажор, 2005. 320 с.
5. Шалабаева Г. К. Казахстан: от древних цивилизаций к современности. Алматы : Экономика, 2007. 258 с.
6. Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. М. : Садра, 2019. 160 с.
7. Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. 2-е изд. М. : ЯСК, 2021. 448 с.

References

1. Mamardashvili MI. Analysis of Consciousness in the Works of Marx. Analiz soznaniya v rabotah Marksa. *Questions of Philosophy*. 1968; 6. (In Russ.)
2. Kradin NN. Nomads of Eurasia. Almaty: Dike-Press; 2007. 414 p. (In Russ.)
3. Khazanov AM. Nomads and the outside world. Almaty: Dike-Press; 2000. 603 p. (In Russ.)
4. Artykbaev ZhO. Nomads of Eurasia in the kaleidoscope of centuries and millennia. St. Petersburg: Major; 2005. 320 p. (In Russ.)
5. Shalabaeva GK. Kazakhstan: from ancient civilizations to the present: textbook. Almaty: Economics; 2007. 258 p. (In Russ.)
6. Smirnov AV., Solondaev VK. Procedural logic. Moscow: Sadra; 2019. 160 p. (In Russ.)
7. Smirnov AV. The logic of meaning as a philosophy of consciousness: an invitation to reflection. Moscow: Publishing house YASK; 2021. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Качеев — кандидат философских наук, магистр истории, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала Челябинского государственного университета, председатель научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана Костанайской области.

Information about the author

D. A. Kachev — Candidate of Philosophical Sciences, Master of History, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences of the Kostanai Branch of the Chelyabinsk State University, Chairman of the Scientific Expert Group of the Assembly of the People of Kazakhstan of the Kostanay Region

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.